

ПРОЛОГ

БАКИНГЕМШИР, НАЧАЛО 1961 ГОДА

Разумеется, он опоздал. Доминик Блейк всегда опаздывал, он этим славился. Можно было с уверенностью сказать, что Доминик явится последним на любое мероприятие, будь то званый обед, карточная игра или даже венчание, а потом будет глуповато улыбаться, стараясь выпутаться из неловкого положения за счет своего обаяния. Это было наигранно, и тем не менее он постоянно так делал. Ему очень не хотелось расстраивать Ви, но сегодня вечером этого было не избежать.

— Проклятье! — буркнул он себе под нос, когда, резко поворачивая, наехал колесом на бордюр. — Этого еще не хватало! — проворчал он, выскакивая из своего «Стэга»¹ и бегом устремляясь по ступенькам крыльца Бэткомб-хауса.

— Добрый вечер, Коннорс, — сказал он пожилому мужчине, открывшему ему дверь. — Они еще за столом?

— Леди Виктория в столовой, сэр, — ответил дворецкий. — Хотя, думаю, с пудингом уже покончено.

— Чудесно, — бросил Доминик и, прежде чем толкнуть двойные двери в столовую, поправил свою бабочку.

Встретили его ироничными аплодисментами и присвистом.

— Ладно, я знаю, — сказал он, поднимая вверх руки. — Согласен: я, как всегда, в своем репертуаре, черт меня побери.

Он сразу направился через всю комнату к женщине, сидевшей во главе стола слева, и, наклонившись к ней, быстро поцеловал ее в щеку.

¹ «Стэг» — модель спортивного автомобиля британской автомобилестроительной компании «Триумф». (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

— Прости меня, Ви, — сказал он. — Даже не знаю, что ты обо мне думаешь.

— Тебе как раз прекрасно известно, что я о тебе думаю, Доминик Блейк, — сказала она, но ее строгий тон был смягчен неким намеком на улыбку, тронувшую ее алые губы. — Поскольку из-за тебя мой цивилизованный званый ужин получился каким-то скомканным, я рассчитываю на компенсацию в виде каких-нибудь скандальных сплетен.

— Я постараюсь загладить свою вину.

— Кофе подадут в гостиную, — вставая и обращаясь ко всем присутствующим, сказала она. — Во искупление своей провинности мистер Блейк будет танцевать фанданго.

Под одобрительные возгласы Доминик театрально поклонился, и все поднялись из-за стола. «Вот они, сливки общества», — разглядывая гостей, подумал он. Раскрасневшиеся от кларета мужчины в костюмах, сшитых на заказ портными, доставшимися им от отцов, и женщины с вечно бегающими глазами, все в шелках и жемчугах. Их манера двигаться, их смех, непоколебимая уверенность в том, что никакие невзгоды не могут коснуться их в принципе, — от всего этого просто разило деньгами.

— Ну ладно, можно приступать, — шепнула Виктория, вплотную подходя к нему.

— Приступать к чему?

— К твоим оправданиям, разумеется. Я знаю, у тебя наверняка что-то припасено. Что задержало тебя на этот раз? Скучнейшее заседание в адмиралтействе? Побег от мальтийских гангстеров? Внезапная болезнь бабушки?

Доминик рассмеялся:

— Нет, Виктория. Все намного проще — я проспал.

— *Проспал?* — Она усмехнулась и бросила взгляд на стоявшие на камине золотые часы тонкой работы. — Доминик, сейчас поздний вечер, без четверти десять. Ты что, вампир?

— Ладно, — шепнул он, склоняясь к ней. — В «Клариджес»¹ я познакомился в баре с одной молодой леди, и она была так настойчива, что я...

¹ «Клариджес» — один из самых известных лондонских отелей высшего класса в районе Мейфэр.

Виктория остановила его, положив руку ему на плечо:

— Нет-нет. Подумав немного, я решила, что ничего не хочу об этом знать. Просто буду довольствоваться тем, что сейчас ты здесь. К тому же, надеюсь, у тебя с той юной леди из «Клариджес» ничего серьезного. Сегодня я пригласила сюда парочку совершенно очаровательных женщин. Очень красивых и со связями... — драматическим тоном прошептала она.

— Любая женщина по сравнению с тобой — одно разочарование, и ты это прекрасно знаешь, — усмехнулся он, нежно приобняв ее за плечи.

В ответ Ви бросила ироничное «ха!», но Доминик видел, что его комплимент был ей приятен. Самое смешное, что с его стороны это не было пустой лестью: леди Виктория Харборд соединяла в себе практически все, что он искал в женщинах. Она была красива, элегантна и поразительно умна, и вдобавок была щедрой и обладала вкусом ко всему необычному, что проявлялось как в декоре ее комнат, так и том факте, что Доминик Блейк — редактор-шалопай-авантюрист — получал приглашения на ее вечера.

«Возможно, если бы все было по-другому...» — начал размышлять он, но в этот момент к ним подошел невысокий полный мужчина в смокинге и обнял Ви за талию.

— Доминик, ты все-таки успел, — пророкотал Тони Харборд со своим выраженным американским акцентом. — О чем ты сплетничаешь с моей женой на этот раз?

— Она пытается сосватать меня, — ухмыльнулся тот, подмигивая Виктории.

Она улыбнулась ему в ответ, а он уже не в первый раз задался вопросом, действительно ли его подруга любит этого богатого ньюйоркца. Конечно, женщины с безупречной родословной и титулами и раньше выходили замуж за деньги, но хотя Виктория и Тони, который был намного старше ее, со стороны казались довольно странной парой, их взаимные чувства часто трогали Доминика и вызывали в нем зависть.

— Это хорошо, — рассмеялся Тони, обрезая золотым резком кончик сигары. — Чем быстрее ты найдешь кого-то, Блейк, тем лучше. Тебе необходимо остепениться, хотя бы для того, чтобы вы с моей женой сами не стали предметом сплетен.

* * *

Доминик должен был признать, что званый ужин удался на славу. Иногда шумные вечеринки, устраиваемые леди Викторией для высшего общества, несмотря на ее сверхъестественный талант собирать вместе интересных людей, получались невыносимо унылыми и предсказуемыми. Мужчины обсуждали одно и то же: политику и шансы удачно поохотиться в уик-энд, а женщины делились всякими забавными историями про своих детей, каждый из которых был или будущим Рахманиновым, или Пикассо, или Цицероном.

Однако сегодня он беседовал с одним поэтом, который верил, что растения могут разговаривать друг с другом, и известным представителем партии тори, намекнувшим о своем тайном пристрастии к натуразму¹.

— Вы не находите, что эти чопорные накрахмаленные сорочки очень стесняют движения? — сказал тот Доминику.

Потом он пригубил бренди с другом Тони, Джимом Френчем, промышленником из Техаса, которого до этого знал только как человека с репутацией безжалостного торговца оружием. Френч сразу же ему не понравился, но он вынужден был признать, что для журнала «Капитал», редактором которого он был, эта фигура — настоящая находка. Он намекнул на это Виктории, надеясь, что она могла бы устроить им еще одну встречу, но она сразу же предупредила его, что крайне неразумно заводить себе врагов из среды богатых и влиятельных людей.

Однако самый полезный разговор у него состоялся с одним библиотекарем из Оксфорда, который после минимальных побуждений с его стороны с радостью — и даже с облегчением, как показалось Доминику, — признался ему, что всю войну занимался разработкой химического оружия в каких-то конюшнях в Уилтшире.

— Знаете, — сказал этот старик, — а ведь то были лучшие пять лет моей жизни. Да, гибли люди — у меня самого брат подо-

¹ Натурализм — течение, в основе которого лежит максимальное приближение человека к природе для оздоровления тела и духа, характеризующееся практикой социальной наготы. Цель этого движения — развивать уважение к себе, людям и природе. Натуралисты не отождествляют себя с нудистами, полагая, что действия последних не основываются на каких-либо философских принципах. (Примеч. ред.)

рвался под Арнемом, — но зато во всем этом был смысл, ты испытывал ощущение, что делаешь *что-то важное*, являешься частью чего-то намного большего, чем ты сам, если вы понимаете, о чем я говорю. Буду с вами откровенен, молодой человек: вся моя жизнь после этого воспринималась как спад и разочарование.

В конце концов Доминик извинился и отошел в сторонку, чтобы немного отвлечься. Обернувшись и глядя на толпу гостей, он улыбнулся, пряча улыбку за поднятым к губам бокалом с бренди. Забавно: о каждом из них он что-то знал. Необязательно скандальное, иногда просто нечто сокровенное. Но почему они рассказывали ему все это? Теоретически они должны были бы шарахаться от него как от прокаженного. Все знали, что он редактор «Капитала» — одного из не всегда серьезных, но при этом весьма влиятельных журналов, который был в широкой продаже. К тому же он слыл одним из главных сплетников и плейбоев в городе и с удовольствием поддерживал такую репутацию. Тем не менее люди неизменно открывались ему. «Возможно, это объясняется честным выражением моего лица», — снова улыбнувшись, подумал он.

На самом же деле все было намного проще: он просто получал ответы на задаваемые им вопросы. Англичане слишком тактичны, чтобы интересоваться чьими-то делами, и поэтому, когда ими все же интересуются, они обычно идут навстречу и все выкладывают сами.

Доминик заметил это в далекой юности, когда в их скромный домик в деревне приезжали друзья его родителей. Богатые люди любили поговорить. В их мире заправляли не деньги, а сплетни и слухи. И больше всего люди зажиточные любили поговорить о самих себе. Какой смысл сорвать большой куш на золотых крюгеррандах¹ или затащить в постель жену лучшего друга, если не перед кем будет этим похвастаться, верно?

Он прошел в библиотеку, где огромные французские окна выходили в благоухающий сад. Задержавшись у полки, он провел пальцами по корешкам принадлежащей Виктории прекрасной коллекции книг в кожаных переплетах. Услышав за спиной шорох,

¹ Крюгерранд — золотая монета ЮАР.